

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 42, Is. 4, pp. 1378-1385, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47) "1916"

A Try-Out of the February Revolution?

Sergei A. Nefedov ^{a, *}

^a Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Ural Federal University, Russian Federation

Abstract

The question about the causes and actors of the February revolution can be understood only in the context of previous events. In this connection, of great importance is the analysis of the causes and circumstances of a strike wave that swept through Petrograd in October 1916. Up to 100 thousand strikers (together with locked-out workers) were involved in these labor unrests that were accompanied by demonstrations and clashes with the police. In many ways (bread shortage as the main motivation, bakeshops pillage, spontaneity, suddenness, involvement of adolescents and women, Cossacks' refusal to shoot into the crowd, soldiers' desertion to the side of people), these events recall those of February 23–28, 1917. The American historians L. Haimson and E. Brian called them "a try-out of the February revolution".

Short information about these strikes is available in the papers of a number of Soviet authors; however, it is presented to some extent tendentiously, based on the desire to show the directing and organizational role of the Bolshevik party. In this regard, it seems important to restore the actual course of the events and give them an objective interpretation.

The study shows that the October strikes were the first reaction of Petrograd workers to the emerging food crisis, whereas the February revolution was the reaction to the second, a much more acute phase of this crisis. The mechanism of these events was similar: in the both cases, famine was the major factor pushing for protests. In the both cases, protests were spontaneous and massive, externally similar to a hunger riot. The food crisis determined the army's position as well: both in October and in February, Cossacks and soldiers sympathized with the starving population and refused to use weapons to crackdown demonstrators.

Keywords: Russia, February revolution in 1917, October strikes in 1916, food crisis, hunger riot, spontaneous protests of workers.

1. Введение

17–20 октября 1916 г. по Петрограду прокатилась волна стачек, в которых участвовало 65 тыс. рабочих и которые сопровождались демонстрациями и столкновениями с полицией. Эти события по многим признакам (нехватка хлеба как главная мотивация, разгром булочных, стихийность, внезапность, участие подростков и женщин, отказ казаков стрелять в толпу, переход солдат на сторону народа) напоминают события 23–28 февраля 1917. Американские историки Л. Хэймсон и Э. Бриан назвали их «репетицией Февральской революции» (Хэймсон, Бриан 1992: 103).

Представляется, что анализ этих событий может помочь понять причины аналогичных событий Февральской революции, механизм взаимодействия различных факторов и акторов революционного процесса.

2. Материалы и методы

Исследование выполнено, в значительной части, на документальных материалах, представленных в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), в частности, имеются ценные материалы Отделения по охране общественной

* Corresponding author

E-mail addresses: histi@ya.ru (S.A. Nefedov)

безопасности и порядка при Петроградском градоначальнике (Ф. 111. Оп. 5). Материалы Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга содержат относящиеся к октябрю 1916 года донесения приставов различных полицейских участков (Ф. 569. Оп. 17).

В работе использовались также материалы Российского государственного исторического архива, касающиеся продовольственного положения в указанный период, материалы периодической печати, опубликованные ранее источники и мемуарные свидетельства.

Методологической основой движения является демографически-структурная теория, согласно которой революции являются результатом падения уровня жизни (Нефедов, 2009; Нефедов, 2011).

3. Обсуждение

Информация о стачках 17–20 и 26–31 октября 1916 года в Петрограде приводится в общих работах, посвященных революции 1917 года и рабочему движению в годы Первой мировой войны (например: Бурджалов, 1967; Лейберов, 1979; Лейберов, Рудаченко, 1990; Шляпников, 1992; Минц, 1967; Кирьянов, 2005; Hasegava, 1981), однако специальные работы на эту тему до сих пор не публиковались. При этом необходимо отметить, что авторы, писавшие в советское время, допускали в своих работах ряд тенденциозных искажений. Прежде всего, намного преувеличивалось число стачечников, так, А.Г. Шляпников (Шляпников, 1992: 236) говорил о 130 тыс. рабочих, бастовавших 26 октября, в то время как по данным полиции таковых было только 17 тыс. (Канун, 1924: 204). И.И. Минц в «классической» трехтомной «Истории Великого Октября», ссылаясь на одну из пропагандистских статей, доводил цифру забастовщиков до 182 тыс. (на четвертый день стачки) (Минц, 1967: 326). Кроме того, в упомянутых работах преувеличивается «руководящая и организующая» роль большевиков. Так, например, А.Г. Шляпников (Шляпников, 1992: 233) и вслед за ним Э.Н. Бурджалов (Бурджалов, 1967: 58) и некоторые другие авторы утверждали, что стачка 17–20 октября была якобы организованно прекращена по призыву Петроградского комитета, не упоминая о том, что основную роль сыграла угроза властей объявить локаут и отправить стачечников на фронт. Преувеличиваются и масштабы событий. И.П. Лейберов и С.Д. Рудаченко, описывая столкновение рабочих и присоединившихся к ним солдат с полицией, квалифицируют эту стычку как «восстание», которое якобы «удалось подавить только по прибытии лейб-гвардии Московского полка» (Лейберов, Рудаченко, 1990: 47). Число примеров такого рода можно было бы увеличить. Таким образом, задачей данного исследования является, прежде всего, восстановление фактической стороны событий и затем – их анализ с целью установления возможных аналогий с Февральской революцией.

4. Результаты

Осень 1916 года характеризовалась резким ухудшением продовольственного положения в Петрограде и во всей стране. Член Государственного совета граф Д. Олсуфьев писал в докладной записке: «Цены на продовольствие и топливо в Петрограде растут угрожающим образом. Чувствуется недостаток в муке и сахаре» (РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 892. Л. 29). В октябре доставка хлебных грузов в Петроград снизилась до 52 тыс. пудов в сутки, в то время как в марте-августе поставлялось 125 тыс. пудов (Сведения, 1916; Известия, 1916). Многим стоявшим в очередях не хватало хлеба, они старались занимать очередь раньше, утром или даже ночью, поэтому у булочных выросли огромные «хвосты»

Бюллетень Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета писал о стремительном возрастающей дороговизне продуктов первой необходимости, отсутствии многих из них в продаже, бесконечных «хвостах», выстаивание в которых совершенно не по силам рабочему (Шляпников 1992: 309). Еще более тревожную ситуацию рисует докладная записка начальника Петроградского охранного отделения генерал-майора К.И. Глобачева: «Даже в том случае, если принять, что заработная плата возросла на 100 %, то все продукты повысились в цене на 300 %. Невозможность добыть даже за деньги многие предметы питания и предметы первой необходимости, трата времени на простой в очередях при получении товаров... - сделали то, что рабочие уже в массе готовы на самые дикие эксцессы “голодного бунта”... Вопрос о всеобщей и длительной забастовке обсуждался и неоднократно на многих заводах и фабриках, но не встретил общего и единодушного сочувствия лишь потому, что рабочие желают выдвинуть на первый план свои экономические требования, а социал-демократы – чисто политические. Лишь вследствие этого забастовка... не осуществилась до сего времени» (Доклад, 1916: 11, 14).

Основным лозунгом социал-демократов (большевиков) было прекращение войны, но этот лозунг в 1916 году еще не находил отклика в патриотически настроенных массах. При этом большевики были против «голодного бунта». Глобачев писал, что «группам сознательных рабочих с трудом приходится сдерживать массы от выступлений по поводу недостатка продуктов» (Доклад, 1916: 12). Социальное и психологическое напряжение достигло такого уровня, что многие жили в ожидании революции. «Левые революционные круги определенно утверждают, – писал Глобачев, – что революция начнется очень скоро, что несомненные ее предвестники уже появились и что правительство сейчас окажется бессильным в борьбе с революционными массами, которые будут тем опаснее, что состоят на 2/3 из бывших или настоящих солдат» (Доклад, 1916: 14).

Хотя большевики пытались удержать массы от преждевременных выступлений, их силы были невелики. Глобачев писал, что «социал-демократы большевики... влачат жалкое существование, так как главные руководители неизменно арестовываются, а народные массы на социал-демократические лозунги отзываются слабо и на открытые выступления их может толкнуть только голод и дороговизна» (Доклад, 1916: 27). Один из руководителей Русского бюро ЦК РСДРП, А.Г. Шляпников, свидетельствует, что большевистские ячейки были переполнены агентами-провокаторами, и средний срок работы члена Петроградского комитета составлял около трех месяцев – после чего следовал неизбежный арест (Шляпников, 1992: 347). Что касается других революционных партий, то они практически не вели работу в массах. Глобачев отмечал, что после арестов руководителей петроградских эсеров работа у них «находится в полном расстройстве» (Доклад, 1916: 30).

Однако, в конечном счете, неудачи заставили Петроградский комитет (ПК) большевиков изменить тактику. Особое отделение Департамента полиции комментировало эти перемены следующим образом: «Сознавая, что непосредственная революционная агитация и пропаганда конечных идеалов социализма не может вызвать скорого и желательного им отклика в широких и неорганизованных массах... руководство местных ленинцев в лице вновь сформированного в последнее время подпольного “Петербургского комитета” решило использовать, как удобное агитационное средство, вопрос о все увеличивающейся... дороговизне предметов первой необходимости» (ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 644. Л. 271). «Перед организацией стояла задача, – писала газета “Пролетарский голос”, – умело пользоваться всяким конфликтом, чтобы рассеять шовинистический туман, чтобы внести организованность» (Петроградский, 1939: 166).

Главная идея вновь сформированного ПК состояла в том, чтобы объяснить рабочим, что причиной продовольственного кризиса является война и необходимо в первую очередь (как всегда говорили большевики) бороться за свержение самодержавия и окончание войны. В начале октября ПК распространил инструкцию для агитаторов, в которой говорилось: «Одним из... исходных пунктов революционной борьбы является все растущая дороговизна... Чтобы дать толчок растущему на этой почве глухому недовольству и направить его на путь действительной борьбы, партия должна немедленно приступить к устройству митингов... на заводах... На этих митингах мы должны указать массам, что вопрос о дороговизне тесно связан с борьбой за демократическую республику и скорейшее прекращение войны... Дав толчок движению масс, мы должны придать ему революционный характер... Для этого необходимо в процессе революционной борьбы масс создать тот революционный центр, который в момент революции мог бы стать органом революционной власти» (Рабочее..., 1979: 485).

Таким образом, речь шла не больше, не меньше, как о подготовке давно ожидавшейся революции – планировалось даже создать «революционный центр». Большевики перестали сдерживать рвавшиеся наружу протестные настроения и готовились использовать их в «революционной борьбе». В листовке, выпущенной ПК 12 октября, говорилось: «Товарищи! Мы призываем вас к борьбе. Сплоченными рядами, под сенью широко развернутых красных знамен революционного социализма мы выступим решительно – и победим. Да здравствует наша борьба!» (Рабочее..., 1979: 489)

Впоследствии большевики утверждали, что их неверно поняли, что они не призывали к всеобщей стачке (Шляпников, 1992: 231). Однако, как бы ни толковать листовку 12 октября, ее влияние на массы не было столь значительным, как представлялось историкам, писавшим в советские времена. Первая стачка началась на заводе «Людвиг Нобель» 10 октября – то есть до появления листовки – и проходила не под большевистскими лозунгами: забастовщики требовали повысить зарплату и организовать работу заводских продуктовых лавок (ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 213. Л. 129). Что касается начатой большевиками «митинговой кампании», то, по причине «жалкого существования», она была весьма слабой: митинги были проведены только на пяти заводах (ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 213. Л. 43, 131, 134). Это были «летучие митинги», они проводились, когда масса рабочих выходила с завода по окончании смены: агитатор выступал в толпе, кто-то останавливался и слушал, кто-то проходил мимо; все это продолжалось лишь 5–10 минут – до прибытия полиции. При этом ораторы не всегда придерживались инструкций ПК: например, на Минном заводе они призывали громить купцов-спекулянтов, которые припрятывают хлеб (ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 213. Л. 134).

Однако, по словам представителей Рабочей группы, положение было таково, что «достаточно было одного, даже провокационного, сигнала, чтобы в столице разразились беспорядки...» (Доклад, 1916: 10). Провокацией оказалась не листовка большевиков, а слухи о восстании в Москве. Происхождение этих слухов остается неясным; в их распространении обвиняли власти, которые якобы пытались вызвать преждевременное восстание, чтобы подавить революцию в зародыше (Канун, 1924: 203). Как бы то ни было, быстро распространившиеся рассказы о «революционном взрыве» и «вооруженном восстании» в Москве всколыхнули рабочий Петроград. «Вопрос о немедленной активной поддержке “восставшей” Москвы становился основным», – писала газета «Пролетарский голос» (Петроградский, 1939: 166).

Стачка 17 октября началась на Минном заводе, затем, в 3 часа дня, забастовал завод «Русский Рено», рабочие которого «сняли» с работы рабочих соседнего чугунолитейного завода. Толпа с

шумом и криками двинулась по Большому Сампсониевскому проспекту, где располагались казармы 181 запасного пехотного полка. Казармы были отделены от улицы низким забором, высотой чуть больше одного метра, а за забором стояли солдаты, которые приветствовали рабочих. Наряд полиции стал оттеснять толпу от казарм; в это время солдаты стали бросать в полицейских камни, потом они перелезли через забор и вместе с рабочими вступили в схватку с полицией. Во время этой схватки были опрокинуты два вагона конки. Трое полицейских были ранены, наряд пытался отстреливаться, но, в конце концов, был вынужден отступить (ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 213. Л. 136; ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 643. Л. 52-520б.).

«Дело затянулось до сумерек, – вспоминал один из солдат. – Выступил с революционной речью какой-то прапорщик... Был вызван командир полка. Когда он приехал на автомобиле, в него полетели камни. Командира ранили в голову, автомобиль повредили, командир исчез... Из казармы вышла только часть солдат, остальные были заперты и ничего не видали. Была вызвана учебная команда этого полка – 600 человек (обычно набирали из более “надежных” элементов). Они загородили пролом забора, чтобы не пропустить оставшихся двух батальонов, но и эти солдаты заявили толпе, что стрелять не будут... Вызвали казаков, те тоже отказались стрелять... Солдаты, вышедшие из казармы, и рабочие пошли дальше. Солдаты просили забастовщиков продолжать, указав на жертвы, которые понесут они. Солдаты надеялись, что к ним примкнут и другие полки...» (Петроградский, 1939: 169-170).

Из рассказа другого солдата мы знаем, что «бунтовщики» пытались поднять другие полки. «Проезжавшие мимо автомобили останавливали, пассажиров высаживали, и солдаты ехали в другие воинские части призывать их к восстанию... Возвратившиеся на автомобилях товарищи сообщили, что одни воинские части выступить не решились, а к другим пробраться не удалось. Принимая во внимание, что огнестрельного оружия в нашем распоряжении не было... решили мирно разойтись по своим баракам» (Иванов, 1924: 89).

В докладе Особого отдела утверждается, что «для усмирения 181 полка был вызван лейб-гвардии Московский полк, по прибытии которого водворился порядок» (ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 643. Л. 520б.). Однако другие источники не подтверждают эту информацию. Командир участвовавшего в схватке полицейского наряда, пристав Зарембский, сообщает, что когда стемнело и рабочие ушли, солдаты стояли перед расположением полка, курили и «при нашем появлении делали замечания на наш счет». Потом они «стали расходиться по баракам» (ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 213. Л. 136). Надо полагать, Московский полк прибыл уже после того, как все закончилось.

Очевидно, что описанные события нельзя назвать «восстанием», которое «удалось подавить только по прибытии лейб-гвардии Московского полка» – как утверждали И.П. Лейберов и С.Д. Рудаченко (Лейберов, Рудаченко, 1990: 47). Газета «Пролетарский голос» писала, что солдаты «приняли активное участие в стычке с полицией» (Петроградский, 1939: 166) – таким образом, «восстание» с точки зрения большевиков было просто «стычкой с полицией».

При всем том, события на Большом Сампсониевском проспекте воодушевили рабочих: они сделали вывод, что солдаты – на их стороне и не будут участвовать в разгоне демонстраций. Как отмечают Л. Хэймсон и Э. Бриан, 17–18 октября многие рабочие надеялись, что они присутствуют при начале «революции», что «восстание» в Москве будет поддержано в Петрограде (Хэймсон, Бриан, 1992: 103). Стачка разрасталась, 17 октября бастовало 19 тыс. рабочих, а 18 октября – 36–37 тыс. (Канун, 1924: 204). «Оставляя заводы и выходя толпами, рабочие в некоторых местах пытались петь революционные песни, но каждый раз демонстрантов встречали и рассеивали их наряды полиции» (ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 643. Л. 53). Солдаты 181-го полка продолжали демонстрировать солидарность с рабочими; колонна из двухсот солдат, увидев полицейских, кричала: «Бей их, сволочей, фараонов!» (ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 213. Л. 128). Красных знамен и антивоенных лозунгов, которые говорили бы о присутствии большевиков, нигде замечено не было; «беспорядки» приобретали черты голодного бунта с разгромом продуктовых магазинов. Утром 18 февраля толпа из пятисот подростков устроила погром в пяти магазинах на Сердобольской улице и разграбила часть товара (ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 643. Л. 53). 19 февраля число бастующих достигло 65 тыс.; продолжались погромы магазинов и лавок. На Выборгской улице произошло столкновение демонстрантов (около 400 чел.) с нарядом полиции: двое полицейских были ранены бросаемыми камнями, городские стали стрелять из револьверов и рабочие разбежались, восемь человек было арестовано (ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 213. Л. 132 об.).

Между тем, энтузиазм забастовщиков постепенно ослабевал. Это было связано, в первую очередь, с тем, что не подтвердились слухи о восстании в Москве. Уже 17 октября Рабочая группа выступила с опровержением этих слухов: «На днях распространились слухи о том, что вся Москва охвачена восстанием, что московская полиция забастовала, что вызванные войска отказались стрелять и т.д... При проверке эти слухи оказываются грубой выдумкой. Подобные слухи из различных, ничем не связанных друг с другом мест передаются в такой одинаковой форме, что невольно напрашивается вопрос: не скрыта ли в основе этих слухов какая-то невидимая, действующая и направляющая злая воля?» (Шляпников, 1992: 310). Листовка, разблачившая провокационный характер слухов, в большом количестве распространялась по петроградским заводам. Либеральные лидеры Думы также говорили о провокации и о манипулирующих рабочим

движением «темных силах» (Шляпников, 1992: 311). По мнению Л. Хэймсона и Э. Бриана выступление либеральных кругов с осуждением стачки подорвало надежды рабочих на начало революции – так же, как и «обескураживающий отклик большевистского подполья» (Хэймсон, Бриан, 1992: 103). «Обескураживающий отклик» заключался в том, что большевики присоединились к призывам Рабочей группы и либералов прекратить стачку, ссылаясь на ее провокационный характер. «Товарищи рабочие и солдаты! – призывала листовка большевиков. – Покажите, что напрасны надежды ваших врагов, ждущих, чтобы вступили вы в схватку с ними теперь, когда еще не собраны ваши силы... Возвращайтесь теперь к станкам с тем, чтобы покинуть их снова, чтобы всеобщей стачкой в союзе с армией повести последний штурм за низвержение самодержавия» (Рабочее..., 1972: 506).

Однако стачечники имели более важные мотивы, чтобы вернуться к станкам – помимо призывов большевиков, либералов и Рабочей группы. Конечно, они были разочарованы тем, что «восстание» в Москве оказалось мифическим. Но еще более важным обстоятельством было то, что власти ответили на стачку угрозой локаута. 19 и 20 октября на бастующих предприятиях были вывешены объявления о том, что если с 21 октября работы не будут возобновлены, то последует закрытие этих заводов и военнообязанные будут призваны в войска (Канун, 1924: 205). Это была более чем серьезная угроза: почти все забастовщики работали на оборонных предприятиях и имели отсрочки от призыва в войска; теперь их собирались отправить на фронт. «Это подействовало, и рабочие вернулись на работу», – резюмирует докладная записка Министерства торговли и промышленности (Канун, 1924). 20 октября число забастовщиков уменьшилось до 15 тыс. человек, 21 октября все предприятия возобновили работу (Канун, 1924).

Стачка закончилась, но, как писала газета «Пролетарский голос», «всех очень волновала судьба товарищей-солдат, примкнувших к рабочим 17-го числа» (Петроградский, 1939: 167). Во время столкновений с полицией эти солдаты просили рабочих «продолжать», потому что в случае неудачи «они понесут жертвы» – теперь их арестовали, им грозил военный трибунал и смертная казнь. «Вчера, 26 октября, забастовки снова вспыхнули на Выборгской стороне... – сообщала газета «Социал-демократ». – Вызваны они тем, что арестованные солдаты (38–100–130 человек, по разным версиям) преданы военному суду. “Ходят с песнями, кричат: Долой войну! Долой казнь!”» (Петроградский, 1939: 170).

Предвидя новую вспышку волнений, 23 февраля ПК решил призвать к однодневной всеобщей забастовке протеста 26 октября (ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 643. Л. 58). Дата была приурочена к началу процесса над матросами-большевиками, организаторами волнений в Гельсингфорсе, однако в листовке, изданной по этому поводу, говорилось и о солдатах: «Товарищи матросы и солдаты! Мы заявляем свой голос возмущения против смертельной расправы с вами. В знак союза революционного народа с революционной армией мы останавливаем заводы и фабрики» (Рабочее..., 1979: 509). 26 февраля бастовало 17 тыс. рабочих, 27 февраля – 46 тыс. (Канун, 1924: 204). Бастующие не предъявляли администрации никаких требований, но говорили, что протестуют против ареста солдат 181-го полка (ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 643. Л. 59; Рабочее..., 1979: 511).

Власти на этот раз действовали более решительно. Уже 27 февраля на остановившихся заводах были вывешены объявления о локауте, и 28 февраля были закрыты на неопределенное время 10 крупнейших заводов Выборгской стороны. Было объявлено о мобилизации в армию уволенных рабочих – и рабочие младших возрастов, действительно, были мобилизованы (Петроградский, 1939: 167; Канун, 1924: 204, 205). Большевики призвали рабочих Петрограда проявить солидарность с локаутированными рабочими, и 28 октября численность бастующих достигла 62 тыс. В защиту рабочих выступили и студенты Петроградского университета, собравшиеся на митинг, на котором присутствовало 300 человек. Но стачка солидарности продолжалась только один день, и 29 октября число бастующих упало до 17 тыс. (Рабочее..., 1979: 511, 514; Канун, 1924: 204). К 31 октября забастовки закончились, но 14 предприятий с 38 тыс. рабочих оставались под локаутом. 1 ноября, с разрешения Главного начальника Петроградского военного округа, на этих предприятиях возобновились работы (ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 644. Л. 276-277).

Было бы некритично утверждать, как утверждают некоторые историки, что рабочие добились снятия локаута своей стачкой солидарности. Стачка закончилась до снятия локаута, мобилизованные рабочие не вернулись на заводы, и правительство отменило локаут, в основном, для того, чтобы не прерывать военное производство. Некоторую роль сыграло и то обстоятельство, что Рабочая группа обратилась с требованием отмены локаута к возобновившей свою сессию Государственной думе (Канун, 1918: 65).

Таким образом, приходится сделать вывод, что октябрьские стачки были прекращены из-за угрозы – а во втором случае в результате реального применения – локаута. Это убедило рабочих в том, что в руках властей находится мощное оружие противодействия забастовщикам, и в дальнейшем крупных и длительных забастовок не было вплоть до февраля 1917 года. Что касается других результатов стачек, то власти не решились предать смертной казни солдат 181-го полка – а так же и большевиков-матросов (Петроградский, 1939: 170; Шляпников, 1992: 311). Но наиболее важным практическим результатом было улучшение продовольственного положения в Петрограде. В ноябре в Петроград доставлялось в сутки в среднем 82 тыс. пудов хлебных продуктов против 52 тыс. в октябре

(Сведения, 1916; Известия, 1916). «На продовольственную нужду стачка имела благотворное воздействие: появились хлеб, мясо и другие продукты в изобилии», – писал А.Г. Шляпников (Шляпников 1992: 305). Продовольственный кризис отступил, чтобы вновь начаться перед Февральской революцией.

Октябрьские стачки были, в своей основе, стихийными, и их можно квалифицировать как голодные волнения. Большевики не инициировали стачечное движение и не руководили им. Стачка, начавшаяся 17 октября на фоне продовольственного кризиса, была спровоцирована слухами о восстании в Москве, и в ходе ее большевики никак себя не проявляли. Стачка закончилась 21 октября не по призыву большевиков, о котором мало кто слышал, а в силу угрозы локаута. 26 октября ПК использовал слухи об аресте солдат 181-го полка и назначил время стачки, провозгласив лозунг защиты преданных суду матросов-большевиков. Но, по сведениям полиции, о матросах-большевиках стачечники не говорили; они протестовали против ареста солдат, которые поддержали их в столкновении с полицией. Когда 28 октября начался локаут, большевики призвали к стачке солидарности, но листовка с этим призывом вышла только 1 ноября, когда локаут был уже снят. Попытки устроить демонстрации в поддержку уволенных рабочих также закончились неудачей (Петроградский, 1939: 168, 173).

В какой степени октябрьские стачки можно назвать «репетицией» Февральской революции? Попробуем сначала выделить общие черты. В обоих случаях подоплекой событий был продовольственный кризис, который, в свою очередь, был следствием изнурительной войны – но также следствием коренных пороков социально-экономического строя Российской империи. В обоих случаях нехватка хлеба мобилизовала рабочих на протесты, которые можно назвать стихийными – в том смысле, что политические партии не руководили этими протестами. В обоих случаях погромы булочных, участие в них подростков и женщин свидетельствовали о том, что происходящее по сути является голодным бунтом. В обоих случаях казаки отказывались применять оружие против демонстрантов, и власти вызывали учебные команды, которые тоже отказывались повиноваться. Что касается простых солдат, то они симпатизировали рабочим и с готовностью принимали их сторону и в октябре 1916, и в феврале 1917 года. Наконец, и в октябре, и в феврале власти пытались использовать для прекращения рабочих волнений свое наиболее эффективное средство – локаут, но в феврале они затаили с его применением и довели дело до необходимости использования вооруженной силы.

Таким образом, механизм и ход событий в октябре и феврале выглядят удивительно схожим, и октябрьские стачки действительно можно назвать «репетицией» Февральской революции. Внимательные наблюдатели понимали эту связь событий и на ее основе могли делать прогнозы на будущее. Например, в начале февраля 1917 года французский посол М. Палеолог передавал своему правительству, что Россия находится накануне революции, что в октябре солдаты уже поворачивали свое оружие против полиции и в случае восстания царское правительство не сможет рассчитывать на армию (Палеолог, 1996: 196).

Имеется, однако, существенное отличие, которое состоит в масштабе и интенсивности событий. Февральский продовольственный кризис имел гораздо большие масштабы, чем октябрьский (потребление упало до 28 тыс. пудов муки в сутки), соответственно, вышедшие на улицы толпы протестующих были намного более многочисленными, а столкновения с полицией – более ожесточенными. Для подавления волнений потребовалось привлечь большое число учебных команд и вероятность того, что одна из них поднимет бунт, была намного больше, чем в октябре. В итоге, эта вероятность реализовалась в Февральскую революцию.

5. Заключение

Подводя итоги, можно констатировать тот факт, что октябрьские стачки были первой реакцией рабочих Петрограда на начинающийся продовольственный кризис, в то время как Февральская революция была реакцией на второй, значительно более острый этап этого кризиса. В обоих случаях протесты имели стихийный и массовый характер, по форме сходный с голодным бунтом. Продовольственный кризис определял и позицию армии: как в октябре, так и в феврале казаки и солдаты сочувствовали голодающему населению и отказывались применять оружие для разгона манифестантов.

Советские историки не вполне адекватно описывали эти события, стараясь найти в них руководящую и направляющую роль партии. Более детальный анализ событий октября 1916 года показывает, что большевики лишь иногда и не вполне удачно пытались приписать свои лозунги разворачивающемуся стихийному движению.

Литература

Бурджалов, 1967 – Бурджалов Э.Н. Вторая Русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. 407с.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Доклад, 1916 – Доклад петроградского охранного отделения Особому отделу департамента полиции. Октябрь 1916 г. // Красный архив. 1926. № 1. С. 4-35.

- Иванов, 1924** – *Иванов А.* Волнения в 1916 году в 181 запасном пехотном полку // Красная летопись. 1924. № 1. С. 89-90.
- Известия, 1916** – Известия Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. Пг., 1916. № 19-29.
- Кириянов, 2005** – Кириянов Ю.М. Социально-политический протест рабочих в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.). М., 2005. 216 с.
- Канун, 1918** – Канун революции. Пг., 1918. 111 с.
- Канун, 1924** – Канун семнадцатого года (материалы о октябрьской стачке 1916 г. в Петрограде) // Красная летопись. 1924. № 2. С. 202-213.
- Лейберов, 1979** – *Лейберов И.П.* На штурм самодержавия. Петроградский пролетариат в годы первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914–март 1917 г.). М., 1979. 311 с.
- Лейберов, Рудаченко, 1990** – *Лейберов И.П., Рудаченко С.Д.* Революция и хлеб. М., 1990.
- Минц, 1979** – *Минц И.И.* История Великого Октября. В 3 т. Т. 1. Свержение самодержавия. М., 1967. 930 с.
- Нефедов, 2009** – *Нефедов С.А.* Аграрные и демографические итоги Русской революции. Екатеринбург, 2009. 202 с.
- Нефедов, 2011** – *Нефедов С.А.* Уровень жизни населения в дореволюционной России // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 127-136.
- Палеолог, 1996** – *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1996. 287 с.
- Петроградский, 1939** – Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны. 1914–1917 гг. Сборник материалов и документов. Л., 1939. 165 с.
- Рабочее..., 1979** – Рабочее движение в Петрограде в 1912–1917 гг. Документы и материалы. Л., 1979. 685 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сведения, 1916** – Сведения о положении продовольственного дела в Петрограде, Москве и других местностях империи, а также в иностранных государствах. Пг., 1916. № 16-18.
- Хэймсон, Бриан, 1992** – *Хэймсон Л., Бриан Э.* Стачное движение в России во время мировой войны: количественный анализ // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. М., 1992. С. 74-113.
- ЦГИА СПб** – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.
- Шляпников, 1992** – *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 1. М., 1992. Т. 1. 383 с.
- Hasegava, 1981** – *Hasegava Ts.* The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle and London, 1981. 624p.

References

- Burdzhalov, 1967** – *Burdzhalov E.N.* Vtoraya Russkaya revolyutsiya. Vosstanie v Petrograde. [Second Russian Revolution. The uprising in Petrograd]. М., 1967. 407 p. [in Russian].
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. [The State archive of the Russian Federation]
- Doklad, 1916** – Doklad petrogradskogo okhrannogo otdeleniya Osobomu otdelu departamenta politzii. Oktyabr' 1916 g. [Report of the Petrograd secret police special department of the Police Department. October 1916] // Krasnyi arkhiv. 1926. № 1. P. 4-35. [in Russian].
- Ivanov, 1924** – *Ivanov A.* Volneniya v 1916 godu v 181 zapasnom pekhotnom polku [Unrest in 1916 in a reserve infantry regiment 181] // Krasnaya letopis'. 1924. № 1. P. 89-90. [in Russian].
- Izvestiya, 1916** – Izvestiya Osobogo soveshchaniya dlya obsuzhdeniya i ob"edineniya meropriyatiy po prodovol'stvennomu delu. [Proceedings of the Special Council for discussion and combination of measures on the food business]. Pg., 1916. №19-29. [in Russian].
- Kanun, 1918** – Kanun revolyutsii. [The eve of the revolution]. Pg., 1918. 111p. [in Russian].
- Kanun, 1924** – Kanun semnadsatogo goda (materialy o oktyabr'skoi stachke 1916 g. v Petrograde) [Seventeenth Year's Eve (materials of the October strike of 1916 in Petrograd)]. *Krasnaya letopis'*. 1924. № 2. P. 202-213. [in Russian].
- Kir'yanov, 2005** – Kir'yanov Yu.M. Sotsial'no-politicheskiy protest rabochikh v gody Pervoi mirovoi voyny (iyul' 1914 – fevral' 1917 gg.). [Socio-political protest of workers in the First World War (July 1914 - February, 1917.)] М., 2005. 216 p. [in Russian].
- Leiberov, 1979** – *Leiberov I.P.* Na shturm samoderzhaviya. Petrogradskii proletariat v gody pervoi mirovoi voyny i Fevral'skoi revolyutsii (iyul' 1914–mart 1917 g.). [Assault on autocracy. The Petrograd proletariat during the First World War and the February Revolution (July 1914–March 1917)]. М., 1979. 311 p. [in Russian].
- Leiberov, Rudachenko, 1990** – *Leiberov I. P., Rudachenko S. D.* Revolyutsiya i khleb. [Revolution and bread]. М., 1990. [in Russian].
- Mints, 1979** – *Mints I. I.* Istoriya Velikogo Oktyabrya. T. 1. Sverzhenie samoderzhaviya [History of the Great October Revolution. Vol. 1. The overthrow of the autocracy]. М., 1967. 930 p. [in Russian].
- Nefedov, 2009** – *Nefedov S. A.* Agrarnye i demograficheskie itogi Russkoi revolyutsii [Agriculture and demographic results of the Russian Revolution]. Ekaterinburg, 2009. 202 p. [in Russian].

Nefedov, 2011 – *Nefedov S.A.* Uroven' zhizni naseleniya v dorevolyutsionnoi Rossii [Standard of living of the population in pre-revolutionary Russia]. *Voprosy istorii*. 2011. № 5. P. 127-136.

Paleolog, 1996 – *Paleolog M.* Tsarskaya Rossiya nakanune revolyutsii [Tsarist Russia on the eve of the revolution]. M., 1996. 287 p. [in Russian].

Petrogradskii, 1939 – Petrogradskii proletariat i bol'shevistskaya organizatsiya v gody imperialisticheskoi voiny. 1914–1917 gg. Sbornik materialov i dokumentov [Petrograd proletariat and the Bolshevik organization in the years of the imperialist war. Of 1914–1917. Collection of materials and documents]. L., 1939. 165 p. [in Russian].

Rabochee..., 1979 – Rabochee dvizhenie v Petrograde v 1912–1917 gg. Dokumenty i materialy [The workers' movement in Petrograd in 1912–1917. Documents and materials]. L., 1979. 685 p.

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Svedeniya, 1916 – Svedeniya o polozhenii prodovol'stvennogo dela v Petrograde, Moskve i drugikh mestnostyakh imperii, a takzhe v inostrannykh gosudarstvakh [Details on the situation of food supplies in Petrograd, Moscow and other areas of the empire, as well as in foreign countries]. Pg., 1916. № 16-18 [in Russian].

Haimson, Brian, 1992 – *Haimson L., Brian E.* Stachechnoe dvizhenie v Rossii vo vremya mirovoi voiny: kolichestvennyi analiz [Strike movement in Russia during World War II: a quantitative analysis] // Rossiya i SShA na rubezhe XIX–XX vv. M., 1992. P. 74-113. [in Russian].

TsGIA SPb – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Historical Archive of St. Petersburg].

Shlyapnikov, 1992 – *Shlyapnikov A. G.* Kanun semnadsatogo goda. Semnadsatyi god. [Eve seventeenth year. The seventeenth year]. T. 1. M., 1992. T. 1. 383 p. [in Russian].

Hasegava, 1981 – *Hasegava Tp.* The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle and London, 1981. 624 p.

УДК 94(47) “1916”

Репетиция Февральской революции

Сергей Александрович Нефедов ^{а, *}

^а Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Российская Федерация

^б Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. Вопрос о причинах и акторах Февральской революции может быть понят лишь в контексте предшествующих событий. В этой связи большое значение имеет анализ причин и обстоятельств волны стачек, которая прокатилась по Петрограду в октябре 1916 года. В этих стачках (вместе с локаутированными рабочими) участвовало до 100 тыс. забастовщиков, и они сопровождалась демонстрациями и столкновениями с полицией. Эти события по многим признакам (нехватка хлеба как главная мотивация, разгром булочных, стихийность, внезапность, участие подростков и женщин, отказ казаков стрелять в толпу, переход солдат на сторону народа) напоминают события 23–28 февраля 1917. Американские историки Л. Хэймсон и Э. Бриан назвали их «репетицией Февральской революции».

Краткая информация об этих стачках имеется в работах ряда советских авторов, однако она подается до некоторой степени тенденциозно, исходя из стремления показать руководящую и организующую роль партии большевиков. В этой связи представляется важным восстановить фактический ход событий и дать их объективную интерпретацию.

В исследовании показано, что октябрьские стачки были первой реакцией рабочих Петрограда на начинающийся продовольственный кризис, в то время как Февральская революция была реакцией на второй, значительно более острый этап этого кризиса. Механизм событий был сходным, в обоих случаях основным фактором, побуждающим к протестам, был голод. В обоих случаях протесты имели стихийный и массовый характер, по форме сходный с голодным бунтом. Продовольственный кризис определял и позицию армии: как в октябре, так и в феврале казаки и солдаты сочувствовали голодающему населению и отказывались применять оружие для разгона манифестантов.

Ключевые слова: Россия; Февральская революция 1917 года; октябрьские стачки 1916 года; продовольственный кризис; голодный бунт; стихийные выступления рабочих.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: hist1@ya.ru (С.А. Нефедов)